

Мария Ватутина

Родилась в Москве в 1968 году. Окончила Московский юридический институт (1992) и Литературный институт им. А. М. Горького (2000).

Публиковалась в журналах: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Волга», «Современная поэзия» и других; в альманахах и сборниках.

Эссеист интернет-портала «Современная литература», ведущая мастер-классов Зимней школы писателей Международного музыкального фестиваля Юрия Башмета и Форума молодых писателей. В прошлом заведовала литературной частью МХАТ им. М. Горького. Автор книг: «Московские стихи» (1996), «Четвёртый Рим» (2000), «Перемена времён» (2006), «Девочка наша» (2008), «Ничья» (2011), «Цепь событий» (2013), «Небо в алмазах» и «Девичник» (2015).

Победитель Всероссийского конкурса молодых поэтов русского ПЕН-центра «Неизвестные поэты России» (2000). Лауреат премии «Заблудившийся трамвай», премии им. А. А. Ахматовой, премии «Московский счёт», Бунинской премии, ряда других известных премий. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

Льёт из ведра. Приходят холода.
Не наши города горят по телику.
В телегу пишут боты иногда:
«Умри, тиран!» и «Бот, храни Америку!»

У нас-то дождь. А там Армагеддон.
Там дом — на дом. Но фронда не расходится,
Строчит в айфоне: «Путин, выйди вон!»
И нам с тобой желает задвухсотиться.

А мы с тобой стишки, туда-сюда,
Спектакль биографический сготовили,
Упёрто взяли горлом города.
Дотошные свидетели истории,

Факиры речи, на слова скупцы,
Боимся вслух произнести опасное.
Война — болезнь всемирная, глупцы,
А смерть детей, выходит, горе частное?

Здесь, в наших Палестинах, тишина,
Как у Христа за пазухой, за броником.
На всей Святой земле идёт война,
И дождь стучит, стучит по подоконникам.

Под звёздами, насквозь пробитыми,
Дымясь горючими словами,
Семиты рубятся с семитами,
Как со славянами славяне.

Крушатся жизни, земли, правила,
Свистит фугасная фонема,
И лупит ПВО Израиля
По странным звёздам Вифлеема.

И, вынянченное, возвращённое,
Укутывают в плащаницу
Младенца тело умерщвлённое,
Накидывают на ослицу.

О! Жено, жено, как ты немощна,
Как безголоса в этих сварях,
Где не молитва воет всенощна,
А матери на тротуарах.

И посредине остывающих
Остатков городской застройки
Лежат тела врагов-товарищей
В одеждах цифровой раскройки.

Смирись, не вспомнить поколения,
В каком бы материнство наше
Не обесценивалось тлением
Детей, одетых в камуфляжи.

Они посчитаны по осени,
На них благословенье мирта.
Но ангел не велит Иосифу:
«Беги в Египет». Нет Египта.

Космос

Заговорили о судьбе, о том,
В каком мы все сеченье золотом?
Что́ космосом зовётся персональным
Для каждого? Планета за бортом
Качала водным куполом печальным.

Один сказал, что космос для него
Ландшафт от сих до сих, от вон того
Мурма́нска до Приморья, до Камчатки.
А солнце мы задраили. Его
Безудержность опасна для сетчатки.

Другая утверждала, глядя сквозь
Волокна, проплывающие вскользь
Над Доном, где грохочет панорама,
Где дом её:
— Вот космос мой! Небось,
Уже уснула под бомбёжку мама.

А третья говорила:
— Мне Москва
Дороже звёзд и Млечного моста,
Где я одна как перст, но в центре света,
Внутри народа. Это ли не та
Вселенная, где одиночеств нету?

Ещё одна в их призрачном кругу
Была вдали — сидела на лугу,
Вдыхала жадно пряность земляную
И ветер, горько пахнувший войной.
А Космос был обычный позывной
Бойца, который держит Кременную.

И. К.

Географ разбирается в спиртном.
Он не пьянеет, ибо знает норму.
Последний раз его на выпускном
Штормило. Он кричал, что астроном,
И даже дал своё название шторму.

Потом прошла история по нам,
Меридианам было параллельно,
Что жрать хотелось нашим племенам,
Но превентивно наливали там.
Географ знал про шторм и пил келейно.

Какая география, мой свет?!
Какие барыши твоей особе?
Вся явь — ледник: то — есть, то — сразу нет.
И лезет из географа поэт,
Такая тварь, созревшая в утробе.

Стрекочет и осклизло, как дитя,
И, лапками над миром колготя,
Пытается понять координаты,
Торопится истошный крик включать,
Что где-то здесь ему должна быть мать.
Но вышли все из родовой палаты.

В полусумраке, пахнущем стружками,
Отцветающей астрой, костром,
Я во сне говорила на суржике,
Незапретном наречье простом.

Я дрожала от каждого шороха:
Старой яблони падал подол,
Обезглавленного подсолнуха
Завывал застывающий ствол.

Я всю ночь разговляла с потерянным,
С параджановским миром теней,
И вставало хайтековским теремом
Чудо-древо славянских корней.

О! Заплыть бы за время на стружике,
За фасады заброшенных хат,
Где со мною на суржике-суржике
Предки предков моих говорят.

Где ещё не расцеплено в пламени
Малолюдье славянских племён,
Где в покутье «По вірі віддай мені»
Молит бабка на сломе времён.

Там, за ширмою междоусобицы,
Трескотни тектонических плит,
Всё ещё извергают надгробьяца
Лаву горьких и жарких молитв.

В сновидении, не в сновидении,
В замогильном союзе племён
Вот и я — о воссоединении
Вижу вечный провидческий сон.

Я десятки годов перелистывать
Научилась, где гордо и зло
Шли по морде друг друга насвистывать
Брат на брата, село на село.

Проредили славянские головы,
Напросились на братский приём.
Там, за временем, в новые сёла вы
Завезёте наш общий геном.

Не сейчас через главку поганую,
В сносках, в скобках, в последней строке,
Через музыку мира органную,
На едином висся волоске,

Никуда друг от друга не деться нам,
Сколько чуждое ни славословь.
Слышишь суржик в звучании девственном?
Он мудрее, чем братская кровь.

***

Говорят, всё это — вон та планета, и та планета,
И звёзды, которым конца и края нету, —
Рождено посредством взрыва, посредством света,
Озарившего небытие. Продолжая эту
Аналогию, теперь и твоя анкета
Начинается сызнова после склейки скелета.

Появились ли звёзды, как выглядит новый орден?
Долетает ли до палаты запах сирени?
Мир, который взорван, где теперь похоронен?
Не приходят ли возлюбленные твои тени,
Пока ты лежишь под капельницей, потусторонен,
Договариваешься с мирозданием об обмене,

О возврате отобранного. Но едва ли
Схлопнется, что разверзлось на всю Вселенную нашу.
С днём рождения тебя! Бери, что дали,
Мимо тебя не пронесут эту чашу.
А ты всё просишь и просишь, чтобы не убивали
Сашу.

Куропатки

Он вышел из пролесочка на них.

— Откуда? Кто?

Он с головы до пяток

Похолодел и туловом поник,

Но прошептал:

— Ходил на куропаток.

За лесом на развилке в этот час

Летали пух и перья. Нарастая,

Звук вертолёта слышался. С террас

Слеталась местных пёстренькая стая.

Сосед твердил: «Рванёт, не подходи».

Вытаскивал дымящееся тело.

Заступница стояла позади

Врачей и оперов из райотдела.

Медбрат слегка ощупывал:

«Живой!

Лежи пока, сейчас дадут носилки».

И мёртвый Злой висел вниз головой

В обугленной машине у развилки.

Чужак ушёл не дальше патруля.

Там и скрутили. Влип, как кура в ошип.

Так мстит нижегородская земля

За русский лес, за куропаток, в общем.

Проводница

«Погиб, — ей сказали в трубку, — и все, кто с ним».

Она закричала, на полустанке стоя:

«Максим! Максим!

За что мне такое?!»

«Пошла, — говорит, — конечно, в храм».

Пассажирка дала молитву, которой тоже

Молится.

В Хабаровске ей велели прах

Забирать.

Пробегаёт мороз по коже,

Пробирает холодный ветер. И обе мы

Плачем, обнявшись, в тени вагона,

Потому что война одна на всех, хоть ты из Костромы,

Хоть со среднего Дона.

И сыновья — одни на всех. Двадцать пять.

Диабет. Трое детей. Вызвался добровольцем.

Что же ты наделал, сыне? Где тебя искать?

По каким моргам, сыне, к каким идти богомольцам?

Мы стоим на перроне.
Она говорит: «Пришёл
Недавно живой.
Прикрылся хохляцким трупом сыночек
И выжил один из всей миномётной роты. Хохол
Пригодился, вырвало взрывом у того позвоночник.

Забрал документы своих двухсотых с передовой,
Чтобы не мыкались вдовы, доказательства собирая.
Он пришёл домой. Он живой.
Что же ты ревёшь, моя дорогая?!»

Она проводница. Стоянка поезда тридцать минут, скользя
Из Москвы до Благовещенска, едет поезд «Россия».

Закljučаем:

«Нас победить нельзя».

Поднимаемся в тамбур. Отправляемся.

Отогреваемся чаем.

***

Младенец плачет вдумчиво. Отец
Тихонько свирепеет: «Чё ж те надо?»
А на моём плече храпит боец,
Немолодой, как Димка из спецназа.

Отложен рейс. Объявлен план «Ковёр»,
Над лётным — усиление режима,
Поскольку демон крылья распростёр,
И кружится, и кружится, вражина.

Запеть бы «Чёрный ворон» всей страной...
Но спит боец, привычный к стаям птичьим,
И больше «Что ж ты вьешься надо мной?..»
Младенец не орёт и вверх не тычет.

И мы без всякой паники сидим:
Ждём рейса, не гундим — для непонявших.
И тьфу на них вообще. Так победим.
Никто не сомневается из наших.

На смерть А. Ф.

Мелких движений и осторожных взглядов
Тайный язык опасней змеиных ядов,
Может убить, может прожечь и может
К жизни вернуть, когда с перебором пожил.

Это у нас и было. Важны детали.
Дружеские объятия на карнавале,
Лёгких касаний на коже следы плавления,
Жарких столбцов безликие откровенья.

Долгой дорогой в бескрайней степи, в салоне
Автомобиля слипшиеся ладони,
Танец фаланг, их перекрестий нега,
Я тебя отмолила тогда у неба.

Мне «невозможность» имя. Не я решаю.
Дважды одних и тех же не воскрешаю.
Что же, прощай, тишайшая моя тайна,
В годы любви воспетая мной детально.

— Резко не вставай, ударит в глазоньки, —
Подливая, кричал сиплый дед.
Во дворе у вросшей в землю мазанки
Мне накрыли праздничный обед.

Пухлая Галина Поликарповна
Подносила яства ко столу.
Летний зной вливался в вены капельно.
Распускался полдень по селу.

В доме рушниками полки выстланы,
В комнатёнках сплошь половики.
На луга с утра коровы высланы,
Вон они пасутся у реки.

Что бы он сказал теперь о родине,
Как бы тряс плешивой головой?
Хорошо, что все дороги пройдены
И лежит не там, а под Москвой

Наш Петрович, так оравший: «Сволочи!» —
Что осип под Киевом в бою.
За тебя я выпью самогоночки.
Помню, помню — резко не встаю.

***

Бойцы в вагоне-ресторане
Обратно едут, на Ростов.
Потом такси до поля брани,
Верблюжье ухо блокпостов.

Они бывалые, бухие,
Блатняк заводят, матом жгут.
На них военный зов России
Затянут, как над раной жгут.

Сквозь гул колёс одномоментно
Обрывки крика бьют вразлёт:
О том, что Путин стопроцентно
Мужик и точно патриот.

О том, что надо помнить павших...
И снова пьют, как ни взгляну.
Официанток недоспавших
Пугает крик: «Ещё одну!»

Они сойдут толпой хмельною,
И дёрнет дальше, как в бега,
Состав, везущий стороною
Тверёзых граждан на юга.

Родина

Захару Прилепину

Гудящая в веках стальными лопастями,
Глубинная моя, горящая дотла,
Как выживаешь ты, забытая властями,
Как выживаешь ты, не помнящая зла?

Отдав своих солдат на дальние заставы,
Сусеки поскребёшь и — в общий хоровод.
Как выживаешь ты, народ моей державы,
Далёкий от столиц, столицам тем оплот?

Несуетная ширь, стоишь ты, подбоченясь,
Надмирная, как лик надвратного Христа,
Ты Китежем всплывёшь, взродишься птицей Феникс,
Воскреснешь, воссияв, — до нового креста.

А как хотела ты? — владелица пространства,
Мать лучших из людей, чистилище племён.
О, я люблю в тебе вот это постоянство,
Охранный твой удел, победный перезвон.

Я в мыслях всю тебя обозреваю разом,
И вижу каждый двор, и слышу каждый всплеск
Колодезной воды и ржанье за лабазом,
Ночного костерка дохристианский треск.

Я знаю, как тебе даётся пропитанье,
И знаю, как тебе даётся ореол
Сияющих границ, вдовиц твоих камланье,
Закланье городов и вымиранье сёл.

Ты знаешь и сама всё о себе, о том, как
Растерзывать себя, и возвращать себя,
И возвращаться вновь в стоических потомках,
По ранним яровым пылицею клубя.

***

Боец проспал весь день на верхней полке.
Не застелив постель, не съев лапши
какой-нибудь, не сдёрнув гимнастёрки,
Ну, или что у них поверх души.

Спал до утра от самого Ростова.
Мы даже взглядом не пересеклись.
Устал боец смертельно. Что такого?
Пусть спит. Вчерашний бой, ему не снись.

«Пусть спит», — я повторила проводнице,
Вздыхающей: «Оплачено ж бельё».
«Пусть спит», — она шепнула. До столицы
Мы сторожили это забытьё,

Небытие, период переходный
С того на этот свет — на свет дневной.
Вот так, потусторонний и голодный,
Проспал солдат обратный путь домой.

И что с того, что, заходя несмело
В плацкарт, я не спросила ничего.
«Брат, на побывку? Как там было дело?..»
Кто я такая — спрашивать его.

***

Я говорю ему: «Вам врут».
Он отвечает мне: «Врут вам».
Брату ли брат или Бруту Брут —
Время расставит всё по местам.

Кто мы друг другу и — вообще:
Кто за империю вдоль Донца,
Кто — за свободу и шпик в борще —
Всаживает шрапнель в отца.

Ладно бы этот союз «и»,
Как он спросил там: «И ты, сын?» —
Только в измене грешней в разы
Принцепсом быть, возглавлять старшин.

Отцеубийственный суицид —
Прорва пробоин в твоей груди.
Ждёт и тебя ледяной Коцит,
К Данту с Вергилием не ходи.

Украина, прощай!
Умираешь не собственной смертью.
Истекаешь, безногая, кровью, ворованной нефтью,
Изрыгаешь проклятья, ракетами вместо морфина
Обезболить пытаешься совесть.
Прощай, Украина.

Возрастившая агнцев закланья, скрещённых с волками,
Очернившая предков, ведущих в Россию веками,
Ты была мне когда-то и люлька, и нянька Арина.
Я любила тебя, я любила.
Прощай, Украина!

Я учила украинским песням русалок полночных,
Я траву темно-русую слушала в водах проточных,
В белоглазье омел, под каштанов паникадила,
Я в лесные скиты меж деревьев не боялась, входила.

Я спускалась под землю твою — навестить первородных.
Я пила молоко из исконных сосцов приворотных,
О, платанов латунь! Древних буков шершавая глина!
О, сиреневый чад над Печорой!
Прощай, Украина.

Неужели ты та, что учила влюбляться без меры,
Над которой ломились от зирок небесные сферы?
Но омела чернеет, цепляясь за ветки осины,
А под веткой чернеет Иуда. И нет Украины.

Закрываю глаза, не могу тебя видеть такую,
Изрыгающей «Слава...», зигующей синей рукою
В христианское небо. Я в смерти твоей неповинна.
Ты — сама. Ты — сама. Ти вже вмерла.
Прощай, Украина!

***

Наклонялась к лицу твоему, к тряпице,
Застывала в верхке, не считая бронестекла.
— Спи-спи, Богомудре Несторе! Что, не спится?
Чернота пещерная перекинулась на пигмент чела,
Гомонит лампада морзянкой вокруг ковчега,
Шелестит во тьме то ли ряса, то ли плащ печенега,

То ли пёрышком по пергаменту кто-то строчит.
Ты узнал меня, Несторе? Я — сказать:
Прозвенел набатный звоночек, и третий кочет
Проорал над Лаврой, когда пришли повязать
Вековых насельников, а склизкая дрозофила
Занесла на Васильевский полкило тротила.

Всё, что я могу: сдержатъ рычанье, кроша коронки.
Призываю тебя в свидетели. Выводи из нор
Черноликих своих преподобных, пиши колонки,
Всё, что видишь, потому ты первый наш военкор.
Покровитель, укрой своих — платом, стёртым о вешки
Времени — на фронте и в тыловой кафешке.

Та земля, где цикадами ночь тиха,
Где давал рассветный час петуха,
Стёрта в прах построчно.
И вполне возможно, что всполох крыл —
Это те, кто взрывами из могил
Воскрешён досрочно.

Я ещё, бывает, и затяну
Украинскую песню не про войну,
Про плывущий човен.
Он такой же старый, как тот оклад,
Под которым лик на дощечке свят,
Так же чист и чёрен.

И плывут в куинжиевском свету
По реке на огромном своём плоту
И Петро с ключами
От калитки райской, и сам Павло,
И ещё моей там родни полно,
А я их встречаю.

Я пою, пою, и светло от звёзд.
Но не Droga Mleczna, а Крымский мост,
По всему, астрален.
И вplывают в Корсунские врата,
Кто пришёл домой на борту плота,
Так сказать, с окраин.

И живых, и мёртвых впишу в стихи,
И ещё чтоб трети петухи,
Ерихонски трубы,
Чтобы Лжевладимир мотал на ус,
Что теперь предел его наг и пуст,
Как ни плачь в ютубы,

Что ушли с холмов Лыбедь, Кий и Щек.
А Россия — это и есть Ковчег,
Берегущий запах
Приостывшей печки в родной избе.
А народа растраченного — тебе
Не подарит Запад.

Вот сошлись библейские времена:
И потоп, и хворь, и война дрянна.
Гаснет свет над хатой.
Я пою, я иду на тысячный круг,
Чтобы все воскресшие шли на звук
Незамысловатый.

Дом

Этот дом был белый-белый,
Он построен был, когда
И жена была несмелой,
И Петрович хоть куда!

Вот такой, как говорится,
Вышины и ширины!
Ослепительные лица
Жили в доме до войны.

Посмотри на этот ящик —
Он как внутренность печи.
Он теперь ненастоящий,
Не спасти, как ни лечи.

Если дождь или малярка,
Станет белым он опять? —
Чтоб забавная малявка
Вышла в классики играть.

Так посмотришь — вроде чёрный,
Так посмотришь — бел фасад.
Словно он нерукотворный,
Этот дом и этот сад,

Этот город, эти дети,
Люд, сошедший с алтарей.
Превращён в большие сети
Дом без окон и дверей.

И из каждого пролома
Солнце светит через дом.
И под вечер «Мама дома!» —
Голос мамы слышен в нем.

На снос памятника генералу Ватутину в Киеве 9 февраля 2023 года

Когда мы обратно в твой город войдём,
Немного остыв возле входа,
Мы точно не тронем твой выживший дом
И стадо немого народа.

Не сроем могил украинских солдат
И мову не пустим на мыло.
Ты сам привезёшь монументы назад
И всё обустроишь, как было.

Героем героя опять назовёшь,
Кого бы ты раньше ни славил.
И памятник этот ты тоже вернёшь
Туда, где народ его ставил.

Я знаю, что скажешь ты в зале суда:
Ты был — исполнитель наряда.
Но знаешь, когда мы вернёмся сюда,
За прыть твою будет награда:

Нависнет над Киевом глыба одна,
Бессмертье своё узаконив.
И схлынет в Европу святая война —
Где ждут Рокоссовский и Конев.

Артис

После боя безупречного
До утра без задних ног
Мой товарищ — птица певчая —
Спит в землянке, как сурок.

Перебита переносица
В прошлой жизни у него.
А во сне он переносится
В эту, что страшней всего.

Где дороги в тесто месятся,
Где суровая родня,
Где сидят двенадцать месяцев
Возле вечного огня.

Кто — убитый, кто — замученный,
Кто — попавший под завал.
Кто — сегодня за излучиной
Пядь земли отвоевал.

И теперь он отсыпается,
Ноль внимания на гром.
Тонкой струйкой осыпается
Сверху стылый чернозём.

Снова он во сне нахрапистом
Бьётся в праведном бою.
И гремит война анапестом
Колыбельную свою.